

УДК 32.001

ББК 66

К 126

К 126 Кавказ-2003. Выборный год. Ежегодник КИСМИ. – Ереван, Кавказский институт СМИ, 2005. – 228 с.

Издание представляет собой первый, пилотный выпуск Ежегодника Кавказского института СМИ, задуманного как справочно-информационное издание о наиболее важных событиях и тенденциях истекшего года на Южном и Северном Кавказе. В основу аналитических материалов первого выпуска легли доклады, сделанные на международной конференции «Кавказ-2003», прошедшей в Ереване весной 2004 года. Авторы подытоживают важный для Кавказа выборный 2003 год с различных точек зрения: внутри- и внешнеполитической, экономической, этнологической, религиозной. Кроме того, в издание вошли справочные материалы, в том числе хронология 2003 г. и географические карты Кавказа и региона.

Редактор А. Искандарян

Редколлегия: Р. Амирагян, Г. Демоян, Н. Искандарян,

А. Карагулян, В. Четерян

Дизайн обложки, макет и географические карты: студия «Коллаж».

Фотографии предоставлены студией «Patker» и Айком Бианджаном

Caucasus Yearbook 2003. Election Year. – Yerevan, CMI, 2005. – 228 p.

Editor A Iskandaryan

Editorial team R Amiraghyan, V Cheterian, N Demoyan,

N Iskandaryan, A Karagulyan

Cover design, layout and maps by Collage Ltd.

Photos courtesy of Patker and Hayk Bianjan

ББК 66

ISBN 99930-78-73-5

© КИСМИ, 2005

© 2005 by Caucasus Media Institute

К. Дзугаев

Грузино-осетинский конфликт до и после «Революции роз»

Грузино-осетинский конфликт, начавшийся в 1989 г., очевидно, не привлекает столь серьезного внимания международных организаций, экспертного сообщества, как карабахский либо грузино-абхазский конфликты. Информации о нем меньше, поэтому для более ясного понимания сути конфликта целесообразен краткий исторический экскурс.

Грузино-осетинские отношения насчитывают много веков, и в плане политологического анализа являются достаточно сложным комплексом, в котором наличествуют и исторически четко прослеживаются конструктивная, компромиссная и конфликтная составляющие. Были и сражения плечом к плечу против иноземных захватчиков, были и взаимные набеги; заключались династические браки, развивалась торговля, происходило языковое и культурное взаимопроникновение.

Приход России на Кавказ, в том числе вовлечение Южного Кавказа в орбиту интересов Российской империи, знаменует собой качественно новый этап и грузино-осетинских отношений. И грузины, и осетины осознанно приняли решение о вхождении в состав империи: для Осетии политическое оформление этого поистине судьбоносного решения было осуществлено Зурабом Елихановым-Магкоевым, для Грузии – царем Ираклием II. В этой связи мы обращаем внимание на два характерных обстоятельства.

Первое касается восприятия на уровне массового сознания Георгиевского трактата 1783 года как документа о вхождении Грузии в Российскую империю; между тем трактатом был установлен режим протектората, присоединение же, строго говоря, фиксируется актом издания царского манифеста от 12 сентября 1801 года: «Полное и безусловное слияние Картло-Кахетии с Российской империей» (1).

Второе касается отношений Южной Осетии и Грузии – од-

ной из наиболее фальсифицированных и мифологизированных проблем грузино-осетинских отношений (начиная с того, что при З. Гамсахурдиа само понятие Южной Осетии было объявлено выдумкой большевиков). Здесь можно проиллюстрировать проблему указанием на время вступления на грузинский престол Георгия V, «который наконец вновь подчинил себе Закавказскую Осетию... С этой минуты южная Осетия стала безусловно грузинской провинцией...» (2). Там же далее констатируется, что «прибытие русских в Закавказье значительно изменило положение южных осетин».

Начало советского периода отмечено кровопролитным столкновением в Южной Осетии между национальными вооруженными силами обретшей независимость Грузии и пробольшевистски настроенным населением региона. Конфликт 1918 – 1920 годов был на порядок тяжелее и по людским, и по материальным потерям (3). В последующем коммунистические власти приняли ряд мер по ликвидации последствий конфликта, одной из важнейшей из которых явилось образование Юго-Осетинской автономной области в составе Грузинской ССР: политическое решение об этом было реализовано Декретом №2 Всегрузинского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров ССР Грузии «Об образовании Автономной области Юго-Осетии», где в п. 2 предписывалось «в состав А. О. Ю. О. включить территорию, занимаемую юго-осетинским народом в следующих границах...» - и далее подробное описание обозначаемой территории (4).

Память о тех событиях сохраняется; но, в отличие от нее, эмоционально-психологически значимой следует признать скорее память о репрессиях 1937-1938 годов, интерпретируемых ныне в массовом сознании южных осетин как уничтожение югоосетинской интеллигенции грузинскими карательными органами. Ясно, что это одна из идеологем нынешнего конфликта; в действительности известно, что многие видные деятели осетинской интеллигенции из Северной Осетии спаслись от репрессий на Юге.

Советский период, таким образом, был весьма далек от лучезарной картины межнациональных отношений, рисуемой официальной коммунистической идеологией, так как политические причины событий преломлялись и воспринимались в

общественном сознании сквозь этнонациональную призму. В этом контексте мы поддерживаем и утверждаем мнение о том, что одна из основных причин грузино-осетинского конфликта заключается в теоретически ущербном решении национального вопроса в коммунизме (марксизме-ленинизме). Очевидно, что если бы национальный вопрос в бывшем СССР был в действительности решен, то конфликт рассматриваемого типа был бы невозможен в принципе. «Пролетарский интернационализм» оказался эрзацем подлинного решения, большинство жителей бывшего СССР причисляло себя в доминантной мотивации деятельности не к «коммунистической общности», а к своей национальности, к своему народу. Актуализацию конфликтной составляющей межнациональных отношений в СССР сдерживала прежде всего сила репрессивного аппарата «коммунистической империи», а также в известной мере экономическая политика центра.

Вместе с тем было бы недопустимым упрощением сводить историю национального вопроса в бывшем СССР лишь к живописанию рвущейся из-под контроля межнациональной агрессии: мы подчеркиваем бесспорный факт, что поздний социализм, когда, по глубокому определению Н. Бердяева, «Россия переварила коммунизм», создал фрагментарные основания, условия, формы для появления ростков органичного синтеза народов бывшего СССР в «сверхнарод» - в то, что брежневские идеологи называли «новой исторической общностью людей». Последнее поколение, выросшее в СССР, успело ощутить появление этих органичных межнациональных связей. И по сегодняшний день есть значительный слой людей в Содружестве независимых государств, неосознанно или сознательно продолжающих считать себя не только представителями своего народа, но и жителями «Большой страны», и воспринимающими новообразовавшиеся границы как досадные временные препятствия; то есть мы вправе указать на виртуальное существование на уровне ментально-эмоциональных обрывочных «структур» некоей парapolитической «тени» СССР.

В грузино-(юго)осетинских отношениях поздний социализм обеспечил весьма высокий уровень интеграции, начиная с должностных позиций выходцев из ЮОАО в ГССР и заканчивая чуть ли не самым высоким в СССР процентом смешанных

браков. Однако и тогда отношения были небеспроблемными; здесь в качестве иллюстрации «мягкой дискриминации» приведем наименование Приложения 2 к Постановлению Пленума Юго-Осетинского обкома КП Грузии: «Уточненные сроки реализации мероприятий, предусмотренных постановлением ЦК КП Грузии от 25 февраля 1985 года № 117 «О дополнительных мерах по обеспечению выполнения постановления ЦК КП Грузии и Совета Министров Грузинской ССР от 9 марта 1982 года № 190 «О записке Юго-Осетинского обкома КП Грузии и исполкома Совета народных депутатов Юго-Осетинской АО о недостатках по выполнению ранее принятых (! – Д. К.) решений по социально-экономическому развитию автономной области с учетом решений задач XI пятилетки» (5).

Тем не менее, высокая степень интеграции находит свое бесспорное подтверждение при рассмотрении генезиса грузино-(юго)осетинского конфликта: коротко говоря, народы категорически не хотели воевать друг с другом, и понадобилось два с половиной года массированных усилий, вплоть до провокационных убийств, чтобы эскалировать конфликт до вооруженной фазы. И наоборот, даже после всех ужасов войны сохранившейся части потенциала конструктивной составляющей грузино-(юго)осетинских отношений оказалось достаточно для серьезного содействия уникальной успешности миротворческой операции трехсторонних миротворческих сил, введенных 14 июля 1992 года в зону конфликта.

Другой причиной, которую мы можем обозначить и как непосредственный фактор инициирования и радикализации грузино-осетинского конфликта, является конфигурация геополитических интересов на Южном Кавказе (и на Кавказе в целом). Ясно, что конфликт в той качественной определенности, в какой мы его сейчас исследуем, мог состояться лишь в случае распада СССР. Здесь мы видим суперпозицию двух обстоятельств: системного кризиса, разрушающего СССР изнутри, и давления планетарного конкурента – США, использовавших историческую возможность ликвидации соперника и присвоения себе роли единственной сверхдержавы. Именно геополитическими причинами объясняется поистине зловещая повторяемость грузино-(юго)осетинского конфликта на протяжении XX века: то же самое было после распада Российской империи в 1917 году.

К причинам конфликта, может быть, следует отнести и кризис грузинской государственности в новых условиях вновь обретенной независимости. В историко-философском плане это кризис самоидентификации: наряду с восприятием западной либерально-демократической цивилизационной модели мы наблюдаем присутствие сильных традиционалистских и националистических течений. Здесь надо подчеркнуть несколько парадоксальный на первый взгляд момент (в том числе и для некоторых наших югоосетинских коллег): стабильность и безопасность Южной Осетии, ситуации вокруг нее, будет повышаться с устройением грузинского государства на современных цивилизационных стандартах — вопреки расхожему мнению о том, что нормализованное и усилившееся грузинское государство при первой же возможности развяжет новое кровопролитие в Южной Осетии.

О поводах для начала и нагнетания конфликта написано немало; мы ограничимся лишь замечанием о том, что для грузинской стороны в конфликте основным поводом для качественной радикализации конфликта послужило провозглашение по инициативе Т. Кулумбегова 20 сентября 1990 года Юго-Осетинской советской демократической республики (6). Это событие было воспринято грузинским руководством как акт политической провокации «третьей силы» против обретающей независимость Грузии. Политическая самоорганизация южных осетин, как относительно самостоятельной ветви осетинского народа, в длительной исторической ретроспективе типологически соответствует общемировой тенденции становления национально-государственных форм у народов, поднимающихся по ступеням этнополитического развития. Такова диалектика национального политического институирования и глобализационных процессов, чему есть ряд примеров даже в близкой нам Европе. Иными словами, к концу двадцатого столетия южные осетины, возможно, вполне прошли статусный уровень автономной области. Осознание этого обстоятельства имело место еще до «перестройки» М. Горбачева — в начале 80-х годов прошлого века отдельными представителями югоосетинской интеллигенции на уровне неофициального публичного обсуждения ставился вопрос: почему у абхазцев республика, а у южных осетин лишь автономная область?

Укажем также на тенденцию внутривнутриполитического развития СССР в последние годы его существования и после него России: ряд национально-государственных образований повысил свой статус, и южные осетины в этом отношении не выпадают из общего ряда.

Более того, специфика политических событий вокруг Юго-Осетинской автономной области Грузинской ССР в большой мере предопределила именно такой ход событий: нарастание политикоэтнического конфликта стало катализатором ответных внутривнутриполитических реакций в Южной Осетии, причем реакций защитных. Другое дело, что распад СССР и грузино-(юго)осетинский конфликт исказили исторически закономерный процесс политической самоорганизации южных осетин, аберрировали его, придали ему неестественную и трагическую скачкообразность. Для грузинской же стороны в конфликте, помимо потерь людских и материальных, это привело и к потере юрисдикции над бывшей автономией южных осетин. В результате ныне налицо стагнирующий конфликт, урегулирование которого идет с весьма крутыми зигзагами, а порой и попятными движениями. Неясна концептуальная основа урегулирования, пропагандистско-идеологические интересы все еще доминируют над научно-политологической проработкой процесса, отсюда и терминологическая несогласованность.

Остановимся на вопросах терминологии в некоторых ее аспектах более обстоятельно.

Сам конфликт наиболее часто именуется этнополитическим. Неточность, недостаточность этого термина ощущается экспертами; так, в Южно-Кавказском институте региональной безопасности по инициативе А. Русецкого состоялось специальное обсуждение этого вопроса, были предложены несколько различных терминов (определений). Мы, со своей стороны, отдаем предпочтение определению конфликта как политикоэтнического грузино-осетинского конфликта.

Далее, мы считаем неверным определение политической деятельности южных осетин новейшего периода (в осетинской политологии по сложившейся традиции отсчитывается с 23 ноября 1989 года – даты попытки проведения З. Гамсахурдиа сорокатысячного митинга устрашения в Цхинвале) как деятельности «агрессивно-сепаратистской» (или, тем более,

«террористической»). Республика была провозглашена без нарушения территориально-государственной целостности Грузии. Однако в отношении Южной Осетии состоялось решение Верховного Совета Грузии о ликвидации автономной области (7) и новом административном делении региона, был осуществлен ввод в Цхинвал 6 января 1991 года милицейских и неформальных вооруженных формирований, что повлекло двадцатидневные боевые действия в городе, проведена тактика «выжженной земли» в сельских районах, и, наконец, ракетно-артиллерийские обстрелы Цхинвала весной-летом 1992 года, когда ежедневно погибали десятки людей. Акт о государственной независимости Республики Южная Осетия был принят 29 мая 1992 года, когда тогдашняя грузинская власть наглядно показала, что в грузинском государстве южным осетинам жизни нет¹.

Таким образом, даже столь краткий экскурс выявляет некорректность использования термина «агрессивный сепаратизм» при описании событий вокруг Южной Осетии. Как же поименовать исследуемое явление? Можно ли вообще ставить вопрос о сепаратистских устремлениях южных осетин? Очевидно, да; но при этом необходимо уточнение, касающееся сущности процесса – речь, на наш взгляд, должна идти об исследовании югоосетинского ирредентизма, явления, неизбежного при разделенности единого народа (термин появился в Италии в конце XIX – начале XX веков). Тем самым сразу становится ясно, что дефинируется совершенно иное содержание вопроса, иная политическая задача и для грузинской, и для югоосетинской сторон, долженствующая быть решенной соответствующими политическими и правовыми технологиями, процедурами.

¹ Проиллюстрируем изложенное двумя весьма показательными фактами. 13 мая 1992 года Цхинвал посетили Э. Шеварднадзе и А. Дзасохов. Были приняты, что называется, исчерпывающие меры безопасности, но все же незадолго до их отлета на вертолете с Присских высот над городом грузинскими артиллеристами был открыт огонь. 26 мая на Зарской дороге, проложенной в объезд грузинского анклава Тамарашени – Кехви, попала в засаду колонна беженцев из Цхинвала: 36 человек, включая женщин и детей, были убиты.

* * *

Предложим теперь некоторые рамочные условия, пограничные вехи процесса урегулирования.

Первое условие состоит в невозможности возвращения к прежней политической конструкции. Обосновать это обстоятельство можно, по крайней мере, тремя аргументами:

- 1) прежняя политическая конструкция была возможна лишь в бывшем СССР; «механическое» восстановление СССР, как это грезится некоторым недалеким деятелям, уже невозможно; даже если в обозримом будущем некая «неолиберальная империя» будет в каком-то виде сформирована, то это будет качественно иная «Большая Страна»;
- 2) прежняя политическая конструкция не только невозможна, но и не нужна, не целесообразна, так как не уберегла грузинский и осетинский народы от братоубийственного кровопролития - следовательно, ни одна из сторон в конфликте в ней не заинтересована; это обстоятельство очевидным образом подтверждает вышеизложенную предпосылку о неудовлетворительном решении национального вопроса в СССР — «решен» он был не на уровне «онтологической сущности», а на уровне «политической кажимости», «административно-территориальной видимости»;
- 3) «реинкарнация» прежней политической конструкции, кроме всего прочего, означает упразднение республики южных осетин, что непредставимо без катастрофического изменения конфигурации геополитических «силовых линий» на (Южном) Кавказе.

Второе рамочное условие состоит в утверждении, что приближение к — и достижение итоговой политической конструкции грузино-осетинского урегулирования исключает применение военной силы; точнее говоря, делает бессмысленным какое бы то ни было применение военной силы для целей реального урегулирования. Сделаем гипотетическое допущение о том, что военная победа достигнута, то есть южные осетины частью уничтожены, а в остальном изгнаны за Главный Кавказский хребет: означает ли это завершение грузино-осетинского конфликта? Риторический вопрос, ибо это означает не что иное, как его злокачественное разрастание теперь уже во фронтальный конфликт с

поистине губительными последствиями на обозримую историческую перспективу.

Третье рамочное условие предложено нами вниманию экспертов и других заинтересованных лиц в последние год-полтора, и состоит оно в том, что урегулирование грузино-(юго)осетинского конфликта в каждом его значимом шаге, событии, этапе осуществимо при аналогичных шагах, событиях, этапах югоосетино-североосетинского сближения (то, что принято называть «осетино-осетинскими отношениями»). Иными словами, приемлемой для сторон в конфликте политической конструкции урегулирования возможно достичь при условии ее «баланса» аналогично приемлемым оформлением особых отношений сторон в осетинском интеграционном процессе.

Мы не случайно подчеркнули, что рассматриваемое третье рамочное условие до сих пор практически не осмыслено надлежащим образом. Видимо, и времени для подобного осмысления прошло немного — всего лишь десять лет с лишним. Тем не менее, можно привести не менее двух значимых примеров, подтверждающих рассматриваемое условие:

- 1) реальное начало процесса урегулирования в конце 1993 года стало возможным при (после) принятии в марте 1993 года Концепции социально-экономической и культурной интеграции Республики Северная Осетия — Алания и Республики Южная Осетия; расстояние во времени между этими событиями 7 — 8 месяцев, и ясно, что политически это взаимосвязанные и по своей сути одновременные события, одно полагает другое;
- 2) подписание базового документа урегулирования, имеющего, по общему мнению, прорывной характер — Меморандума о мерах по безопасности и доверию между сторонами в конфликте — состоялось политически одновременно с подписанием важнейшего межправительственного Договора о сотрудничестве между РЮО и РСО-А; календарный разнос дат в данном случае еще уже — 16 мая и 9 ноября 1996 года.

Мы настаиваем на неслучайности этих кажущихся «совпадений» (можно привести и другие, менее значимые примеры): только такими сбалансированными по оси «север — юг» политическими мероприятиями можно идти и достичь окончания уре-

гулирования. При этом, повторяем, ясно, что финал урегулирования должен быть политически равномогным «итоговому» оформлению осетино-осетинских отношений.

Три перечисленных рамочных условия ведения процесса урегулирования грузино-(юго)осетинского конфликта являются наиболее «близкими» к непосредственной практике политического действия; они являются необходимыми, но, очевидно, не являются достаточными — есть и другие условия, которые мы в данной публикации не затрагиваем.

* * *

Что же касается итоговой конструкции, то она определится, очевидно, в контексте новой геополитической структуры Южного Кавказа, формирующейся в сложном и противоречивом взаимодействии России, США и Европы, и загадывать сейчас ее конкретные формы было бы научно некорректно. Для более ясного ориентирования предлагаем на рассмотрение таблицу (см. Приложение), составленную нами в ходе серии грузино-осетинских — в них участвовали и североосетинские представители — встреч-семинаров в неофициальном формате, проведенных под эгидой «Конфликт менеджмент групп» профессора Р. Фишера (Гарвард, США); это были весьма эффективные семинары, серьезно содействовавшие официальному процессу урегулирования.

Надо признать, что за прошедшие годы грузинская сторона далеко и, будем надеяться, бесповоротно ушла от девятой позиции таблицы; так, на Венской встрече экспертных групп глава грузинской делегации И. Мачавариани сделал зондажное заявление о готовности грузинской стороны рассмотреть вопрос признания Республики Южная Осетия со всей ее атрибутикой при условии признания югоосетинской стороной территориальной целостности Грузии в международно признанных границах (югоосетинская сторона приняла заявление к сведению, но от обсуждения уклонилась, так как не имела соответствующих полномочий). Аномалия радикализма в грузинской национальной идеологии стала возможной и привела к соответствующей политической практике лишь в условиях крайней слабости нарождавшихся государственных структур независимой Грузии: «пролетарский интернационализм» был неизбежно и закономерно заменен

идеологией национализма, принесшей бедствия и самому грузинскому народу, и народам, исторически совместно и рядом с ним проживающим.

По шестой позиции на изучение югоосетинской стороне было представлено два проекта, разработанных ОБСЕ и группой Р. Фишера; они в целом аналогичного содержания и предусматривают максимальные полномочия для Республики Южная Осетия в составе федеративного грузинского государства. Отметим, что о целесообразности продвижения к федеративному принципу государственного устройства Грузии неоднократно высказывался и лидер Северной Осетии А. Дзасохов.

В самой Южной Осетии также имело место обсуждение вариантов.

Так, по пятой позиции таблицы идею кондоминиума России и Грузии над Южной Осетией выдвигал на уровень публичного обсуждения Председатель Правительства РЮО В. Габараев (1996 год), считая ее единственным выходом из логически тупиковой ситуации конфликта. Действительно, в рамках формальной (аристотелевой) логики конфликт неразрешим, так как принцип территориальной целостности Грузии в границах бывшей Грузинской ССР несовместим с принципом независимости Республики Южная Осетия.

Четвертую позицию опубликовал в качестве варианта бывший заместитель Председателя Верховного Совета РЮО А. Чочиев. Он не детализировал свое предложение (8).

О конфедеративном либо федеративном вариантах разрешения грузино-(юго)осетинского конфликта в достаточно развернутом виде написала в диссертационном исследовании М. Дзайнукова – работа защищена в мае 2002 года в Северо-Осетинском государственном университете и является пионерным исследованием, проведенным под руководством заведующего кафедрой политологии СОГУ профессора В. Дзидзоева; отметим, что изложенные в работе представления прошли обычную при работе над кандидатской диссертацией апробацию (9).

Вторая позиция является конституционно оформленной и референдумно закрепленной позицией Республики Южная Осетия. В отношении Грузии эта позиция президентом Э. Кокойты выражена в виде политического слогана «С Грузией – навсегда, в Грузию – никогда!».

Интересно, что хотя государственно-правовое, институциональное оформление в Южной Осетии в силу вышеуказанных обстоятельств получила вторая позиция, но и референдум 19 января 1992 года, и опросы общественного мнения показывают, что ирредентистский вектор национального движения (воссоединение с РСО-А (в составе России)) поддерживают в пять-шесть раз больше респондентов, чем мнение об укреплении независимости РЮО (10).

(Заметим, что предпоследний Председатель Правительства РЮО Г. Хугаев (2002 – 2003 гг.) несколько неожиданно высказывался о том, что Республика может присоединиться к России и самостоятельно, «минуя» РСО-А; это высказывание не получило широкого обсуждения в обществе, но, безусловно, отражает некую политическую реальность...).

* * *

2003-й год был нелегким и для Грузии, и для Южной Осетии. В РЮО год прошел под знаком настойчивых попыток укрепления президентской власти. В начале года Парламент поддержал кандидатуры Президента на должность Генерального прокурора - Таймураз Хугаев вместо освободившего должность Ахсара Кочиева – и и. о. Председателя Верховного Суда Светланы Ванеевой; в конце года вместо нее был назначен Алан Парастаев, ранее дважды – и при Л. Чибирове, и при Э. Кокойты – работавший министром МВД. В свое время именно А. Парастаев после напряженной политической борьбы был проведен в министры и сыграл решающую роль в обуздании послевоенного криминального беспредела в РЮО.

Под нажимом Президента покинул должность и. о. Председателя Национального Банка РЮО депутат Парламента Инал Тедеев, назначенный туда Президиумом Парламента в нарушение конституционной процедуры; Национальный банк возглавил предложенный Президентом Гиви Санакоев.

Летом произошли основные события в борьбе за утверждение режима президентской власти в конституционном объеме полномочий. В ночь на 1 июля пропрезидентские формирования (охрана Президента и ОМОН МВД) разоружили формирования, на практике не подчинявшиеся президентской власти: отдел со-

проведения оперативных мероприятий КГБ и Главное разведывательное управление Министерства обороны и чрезвычайных ситуаций. Отстранены от занимаемых должностей секретаря Совета Безопасности Альберт Тедеев, министра обороны и чрезвычайных ситуаций Валерий Тедеев, и. о. министра юстиции Алан Джигкаев, председателя КГБ Роберт Табуев. Под прямой контроль Президента было взято Главное таможенное управление, поступления от которого являются главным источником формирования бюджета; его начальником назначен Константин Кабисов.

Во внеочередном выпуске новостей Государственного телевидения Э. Кокойты заявил об имевшей место «безнаказанности бесчинствующих руководителей некоторых структур», призвал к консолидации граждан вокруг законной власти. Жесткой критике подверглось Правительство, которое, по мнению Президента, «практически самоустранилось от выполнения своих функций».

На освободившиеся должности были назначены люди Президента: КГБ возглавил кадровый местный работник Олег Алборов, МВД – приглашенный из Владикавказа Роберт Гулиев, МОиЧС – Бала Бестауты (был первым по счету министром МВД при Э. Кокойты), впоследствии был заменен на приглашенного из России Зелима Мулдарова (во второй половине апреля 2004 года скончался при не вполне выясненных обстоятельствах); министерство юстиции – Людвиг Гаглоев.

Собственная властная вертикаль не могла быть достроена без глубокой реорганизации Правительства; здесь особое значение приобретала фигура Председателя Правительства Резо (Герасима) Хугаева. Популярный политик, Р. Хугаев внес наибольший электоральный вклад в победу Э. Кокойты на выборах; будучи сильным администратором, располагающим опытом руководства в чрезвычайных условиях, он сумел удержать исполнительную власть от провала. Тем не менее, деятельность Правительства была признана Парламентом неудовлетворительной.

13 августа Правительство было распущено. «Сдачу» Р. Хугаева аналитики объясняют двумя причинами: чрезмерной, по мнению Президента и его окружения, близостью к братьям Тедеевым, чье влияние в Республике было устранено 1 июля, и проявлениями политической самостоятельности Р. Хугаева. Отмечается также осязаемое падение поддержки Р. Хугаева в обществе

вследствие некоторых неудачных его выступлений в республиканских СМИ и целенаправленной борьбы против него группы депутатов Парламента. Тем не менее, он продолжает быть серьезной политической фигурой, и сохраняет способность оказывать серьезное влияние на ситуацию в Южной Осетии.

Очевидно, роспуск Правительства был плохо подготовлен, так как лишь через месяц был назначен новый Председатель Правительства Игорь Санакоев, приглашенный из Владикавказа. И только 17 октября был подписан указ о реорганизации исполнительной власти.

Рейтинг Президента на протяжении года значительно колебался. Во второй половине года создана пропрезидентская партия «Единство» во главе с Зурабом Кокоевым (работал мэром Цхинвала, после создания партии переведен на должность зампредела Правительства), с нескрываемым намерением получить пропрезидентское большинство на выборах в Парламент РЮО в мае 2004 года. Решение этой задачи означает неизбежную жесткую конкуренцию с компартией РЮО, однако Э. Кокойты и ее лидер Станислав Кочиев, являющийся Председателем Парламента, тщательно избегают открытого столкновения. Произведена смена руководства в югоосетинском отделении всеосетинской организации Стыр Ныхас: вместо дискредитировавшего себя Казбека Челехаты его возглавил Роберт Гаглоев (ранее министр образования, ныне директор Юго-Осетинского научно-исследовательского института) — предполагается, что это привлечет к Президенту некоторую часть электората.

К моменту написания статьи предвыборная кампания выходит на свой пик. Начались телевизионные выступления кандидатов в депутаты, ряд из которых выступил с резкой критикой существующей власти, указывая на политическую демагогию об объединении с Россией и фантастические экономические показатели...

Серьезно осложнились за 2003 год грузино-осетинские отношения, основная причина чего усматривается в продолжающемся глобальном соперничестве на Южном Кавказе. Кризис власти на выборах в Грузии, «революция роз» и приход нового руководства вызвали рост напряженности в РЮО. Михаил Саакашвили в общественном сознании воспринимается как весьма опасный политик, в известном смысле продолжатель дела З. Гамсахурдиа.

Дана Чиквадзе/Союз Медиа Центр

Село в Сванетии — высокогорном регионе Грузии. Сваны занимаются в основном охотой и скотоводством.

Давид Мдзинаришвили/Союз Медиа Центр

Грузия славится винодельческими традициями. Здесь растет множество сортов винограда, в том числе знаменитые «Ркацители», «Изабелла», «Цоликаури», «Киндзмараули».

Показательным в этом смысле является почти стопроцентное участие жителей Южной Осетии, имеющих российское гражданство, в выборах в Государственную думу РФ 7 декабря: в огромных очередях на единственный избирательный участок на территории российского миротворческого батальона люди без обиняков и единодушно соглашались с тем, что голосовать всем надо, чтобы Россия помнила о здешних своих гражданах и не оставила на произвол судьбы. Показательна также реакция населения на плановую ротацию российского батальона в январе 2004 года: вид выезжающих из Цхинвала грузовиков с военнослужащими вызвал столь глубокую тревогу, что министр обороны и чрезвычайных ситуаций З. Мулдаев вынужден был выступить со специальным телеобращением и призвать «не поддаваться паническим слухам и настроениям».

3 января Цхинвал неожиданно посетил М. Саакашвили, въехав в город в сопровождении кортежа из нескольких машин с вооруженной охраной; он сделал остановку перед центральным универсамом на площади Свободы (Богир) и провел краткую встречу с ошеломленными горожанами и торговцами. Надо по достоинству оценить этот блестящий предвыборный ход М. Саакашвили (выборы президента Грузии были на следующий день), но в Южной Осетии он вызвал почти шоковое состояние. В телевизионном интервью грузинским СМИ Э. Кокойты оценил эту акцию как провокационную и потребовал от М. Саакашвили извинений. В югоосетинских СМИ газета «Молодежь Осетии» осмелилась одним абзацем сообщить о происшествии и поставить вопрос, «как такое могло произойти, и кто ответственен с нашей стороны за проникновение М. Саакашвили в Цхинвал?» (11).

В подобной общественно-политической обстановке любое затруднение в пересечении границы на посту «Нижний Зарамаг» провоцирует южных осетин на решительные акции и усиливающие обвинения властей в бездействии. В декабре Э. Кокойты, информированный о опасно накаливающейся ситуации на границе, вынужден был лично туда выехать для предотвращения штурма погранзаставы несколькими сотнями разгневанных южан. На некоторое время пост был фактически взят под контроль югоосетинских силовых структур, до урегулирования ситуации в ходе встречи с подъехавшим срочно из Владикавказа председателем правительства М. Шаталовым. «Я заставлю вас

уважать Республику Южная Осетия и законы России!» - заявил Э. Кокойты российским пограничникам.

В контексте нарастания напряженности в грузино-осетинских отношениях глубокого анализа заслуживают попытки развалить сложившуюся за истекшие годы группу переговорщиков с югоосетинской стороны. Министр по особым делам, нынешний сопредседатель Смешанной контрольной комиссии Борис Чочиев был обвинен в предательских поползновениях; возглавлявший до него югоосетинскую делегацию Леонид Тиболов (бывший зампредела Правительства при Л. Чибирове) также был обвинен в политической сдаче позиций; обвинения в прогрузинских настроениях и даже тайных встречах (!) с грузинским руководством обнародовались в адрес автора настоящей статьи, работавшего Председателем Парламента РЮО и возглавлявшего югоосетинскую делегацию на переговорах ряд лет до Л. Тиболова; обвинения в непатриотичности, пассивности и т. д. высказывались в адрес министра иностранных дел Мурата Джиеова (занимавшего эту должность и при Л. Чибирове); обвинен в предосудительных связях с грузинской стороной член делегации, член Президиума Парламента Георгий Джиеов и т. д. Ясно, что разгром сложившегося внешнеполитического «ядра» в РЮО, имеющего огромный и бесценный опыт, высокую и проверенную патриотичность и высокопрофессиональные качества, повлек бы почти катастрофическое падение уровня компетентности югоосетинской стороны в преддверии важнейшего, возможно судьбоносного этапа урегулирования. Пока неясно, объясняются ли эти нападки лишь банальным стремлением критиканов получить «теплые места для заграничных командировок», либо речь идет о гораздо более серьезном явлении – попытке реализации политического заказа на ослабление позиций югоосетинской стороны в переговорном процессе. По состоянию на сегодняшний день попытки устранить ключевых переговорщиков из процесса урегулирования успеха не имели, но их инициаторы обещают новые «разоблачения предателей».

Небезынтересно и то обстоятельство, что в ходе нынешней предвыборной кампании кандидатами в депутаты Парламента РЮО указывается на укомплектование основного круга высших должностей пришлыми в республику людьми, живущими здесь без семей и недвижимой собственности, и ставится вопрос, как понять такую кадровую политику?

Не осталась в стороне от политических событий и Церковь. Высказывание Католикоса всея Грузии Ильи II на инаугурации М. Саакашвили «Под этим флагом мы войдем в Сухуми и Цхинвали» вызвало реакцию в Южной Осетии, и укоризненную отповедь наместника Аланской Цхинвальской Епархии священноархимандрита Георгия (Пухатэ): «... Болезнь нацизма и национализма грузинской церкви, в большей ее части, как была, так и осталась по сегодняшний день. И данный вопрос надо рассматривать как негласное благословение главы грузинской православной церкви католикоса Ильи II на агрессию, на военные действия» (12).

В переговорном процессе никаких значимых изменений не произошло; единственное, что заслуживает упоминания — это принятое после многомесячных проволочек решение о подписании третьей программы Евросоюза по реабилитации зоны грузино-осетинского конфликта, что вызвало неоднозначные оценки в обществе.

Процесс урегулирования сам по себе нуждается в качественном научном (политологическом) обслуживании; это отмечалось и экспертами, и государственными чиновниками, участвующими в процессе. Особую актуальность это приобретает в свете событий текущего, 2004 года.

P.S. 6 мая центральной грузинской властью была взята под полный контроль Абхазия. Эти события вызвали скрытое, сильное напряжение в югоосетинском обществе.

Список литературы

1. Внешняя политика России XIX и начала XX века. // Документы Российского Министерства Иностранных Дел. Серия 1. Т. 1. М., 1960., с. 93-94.
2. Чудинов В. Окончательное покорение осетин. // Кавказский сборник. Т. XI11. Тифлис, 1889, с. 10.
3. Плиев В. В. Борьба за установление советской власти в Южной Осетии. Цхинвали. 1958.
4. Газета «Правда Грузии» №340, 22 апреля 1922 г.
5. Газета «Советская Осетия», 30 сентября 1989 г.
6. Южная Осетия. 1988 — 1992. Хроника событий грузинской агрессии. Цхинвал, 1996.

7. Региональные конфликты в Грузии – Юго-Осетинская автономная область, Абхазская АССР (1989 – 2001). Сборник политико-правовых актов. Тбилиси, 2002.
8. Чочиев А. Р. Полемисту и богемисту «А-3» от бывшего... // Газета «Айдан – Зеркало» №3, март 1998 г.
9. Дзайнукова М. И. Проблема национального самоопределения южных осетин (1918 – 2002 гг.) Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Владикавказ, 2002.
10. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 1999, май – июнь, с. 81 – 82.
11. Газета «Молодежь Осетии» №1, январь 2004 г., с. 2.
12. Джиоты А. Апогей «человеколюбия». // Газета «Южная Осетия», № 11-12 от 7.02.2004 г. С. 2.

Бесо Гулашвили/Patker-Soyuz Media Center

Грузинские солдаты охраняют село Земо Халацани, расположенное недалеко от Панкисского ущелья.

Приложение

Таблица составлена в ходе работы грузино-осетинских встреч-семинаров под эгидой Гарвардской «Конфликт менеджмент груп» под руководством проф. Р. Фишера.

ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ ЮГООСЕТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

№	Позиции по проблеме	Комментарии
1	Присоединение к России через воссоединение с Республикой Северная Осетия - Алания	Политическая цель по итогам референдума 19 января 1992 года
2	Независимая Республика Южная Осетия	Провозглашена 20 сентября 1990 года, действующая Конституция принята на референдуме 8 апреля 2001 года; признана 6 марта 1993 года РСО-А.
3	Территория под управлением ООН	
4	Конфедерация Грузии и Южной Осетии	В РЮО выдвигалась бывшим заместителем Председателя Верховного Совета А. Чочиевым
5	Кондоминиум России и Грузии над Республикой Южная Осетия	В РЮО выдвигалась бывшим Председателем Правительства В. Габараевым
6	Республика Южная Осетия в составе Грузии как федеративного государства	Разработка ОБСЕ, аналогичный вариант у группы Р. Фишера
7	Юго-Осетинская автономная область в составе Грузии.	Так называемый «нулевой вариант», ранее обсуждавшийся грузинской стороной – возвращение к прежнему статус-кво
8	Культурная автономия	В Грузии выдвигалась лидером Народного фронта Н. Натадзе
9	Ликвидация южных осетин (депортация, истребление)	Политика радикал-национализма 1989 – 1992 гг.